

ГЛАВА 1

Она молча смотрела на то, что лежало на краю старого колодца. Горячий влажный воздух, окутавший темный храм, был неподвижен. Несколько лепестков миндаля, ослепительно белые в свете фонаря, опустились, кружась, с нависших над головой ветвей. Они стали казаться еще белее, прилипнув к пятнам крови на иссеченных ветрами камнях.

Плотнее закутавшись в свое широкое платье, она сказала стоявшему рядом высокому мужчине:

— Брось ее тоже в колодец! Никто ничего не заподозрит, этим старым колодцем не пользуются уже многие годы. Не думаю, что кто-нибудь вообще знает о его существовании.

Он кинул тревожный взгляд на ее бесстрастное бледное лицо, опустил фонарь на груду кам-

ней и разбитых кирпичей у стены и, резко дернув, развязал шейный платок.

— Лучше быть вдвойне осторожным. Я заверну ее и... — Заметив, что его голос очень гулко раздается в пустынном храмовом саду, он продолжил шепотом: — Захороню ее среди деревьев за храмом, — пьяный болван спит мертвецким сном, а здесь больше никого нет, ведь уже за полночь.

Она с безразличным видом наблюдала за тем, как он заворачивал отрубленную голову в шейный платок. Пальцы ее спутника так дрожали, что он с трудом мог завязать его концы.

— Ничего не могу с собой поделать! — пробормотал он, оправдываясь. — Это слишком для меня. Как... как тебе это удалось? Два удара, и дело с концом...

Она пожала плечами.

— Просто нужно знать, где соединяются суставы, — равнодушно ответила она и склонилась над колодцем.

Густые заросли плюща скрывали сломанную и трухлявую перекладину, разросшиеся длинные

ветви свисали в темный провал, цепляясь за полусгнившую веревку, к которой когда-то крепились ведро. Какая-то птица завозилась в густой листве возвышавшихся рядом старых деревьев. Сверху опять упали белые лепестки миндаля. Несколько лепестков слетело ей на руку. Они казались холодными, как снег. Женщина стряхнула их, потом задумчиво произнесла:

— Прошлой зимой этот сад был совсем белым от снега. Совсем белым...

— Да, — выпалил он. — Да! Там, в городе, было тоже очень красиво. Сосульки свисали с крыши пагоды на Лотосовом озере, как маленькие колокольчики. — Он вытер вспотевшее, разгоряченное лицо. — А каким прозрачным был морозный воздух; я помню, как утром...

— Не вспоминай, — холодно прервала она. — Забудь! Думай только о будущем. Ведь теперь мы сможем забрать их. Все! Пойдем сейчас же и достанем их.

— Сейчас? — ошеломленно воскликнул он. — Сразу после... — Заметив презрительный

взгляд, быстро добавил: — Я устал как собака, пойми, я не могу сейчас!

— Устал? Ты же всегда кичился своей силой!

— Но теперь-то уж незачем спешить. Мы можем забрать их в любое время. И мы...

— Я-то как раз спешу. Впрочем, ладно, с этим можно подождать. Что такое одна ночь?

Он уныло посмотрел на нее. Она опять замкнулась в себе, уходила от него. А он так страстно желал эту женщину, что это причиняло ему боль.

— Почему ты не можешь принадлежать мне, только мне одному? — с мольбой произнес он. — Ты же знаешь, что я сделаю все, чего ты захочешь. Я доказал это, я...

Он замолчал, заметив, что она не слушает. Женщина смотрела в пространство между ветвями, усыпанными белыми цветками. В вечернем небе отчетливо видны были верхушки двух трехэтажных башен. Совершенно симметрично они обрамляли главный зал храма.

ГЛАВА 2

Ранним утром на следующий день тяжелый влажный воздух все еще висел над Ланьфаном. Когда судья Ди вернулся в свой кабинет после утренней прогулки, он с раздражением ощутил, что пропотевшее хлопчатобумажное платье прилипло к его широким плечам. Он достал из рукава маленькую деревянную шкатулку и положил на стол. Потом подошел к шкафу, в котором хранилась одежда. Переодевшись в чистое летнее платье из голубой ткани, он распахнул окно и выглянул наружу. Его могучий помощник Ма Жун шел по вымощенному двору судебной управы, неся на плечах жареную свиную тушу и что-то напевая. В пустом дворе голос его казался пронзительным и звучал как-то неестественно.

Судья закрыл окно и присел к столу, заваленному бумагами. Потирая лицо, он подумал, что в такой особенный день он тоже должен чувствовать себя счастливым. Взгляд его упал на шкатулку из черного дерева, которая стояла на краю стола. Круглый диск из зеленого нефрита, украшавший ее гладкую черную поверхность, тускло поблескивал. Во время утренней прогулки он заметил эту шкатулку в окне городского торговца древностями и сразу купил ее. На нефритовом диске был вырезан стилизованный иероглиф «долгая жизнь», а это очень подходило к сегодняшнему дню. Нет никаких причин чувствовать себя не в духе. Нужно держать себя в руках, даже если скучная жизнь в этом отдаленном пограничном округе раздражает его. Не следует поддаваться приступам уныния.

Решительным жестом судья расчистил перед собой стол, отодвинув толстую папку в сторону, и хлопнул в ладоши, призывая писца. Завтрак поможет избавиться от неприятного ощущения в желудке. Наверное, это от жары. Он взял большой веер из журавлиных перьев и,

откинувшись на спинку кресла из резного черного дерева, начал медленно им обмахиваться.

Открылась дверь, и вошел, шаркая, его старый слуга, доверенный советник и старшина суда Хун. На нем было длинное синее платье, а седую голову покрывала маленькая черная шапочка. Он пожелал судье доброго утра и осторожно поставил на боковой столик поднос с завтраком. Когда он начал переставлять чайник и тарелочки с соленой рыбой и овощами на стол, судья Ди с улыбкой произнес:

— Почему ты не приказал писцу принести завтрак, Хун? Зачем самому делать это?

— Я все равно проходил мимо кухни, ваша честь. Кстати, Ма Жун нашел в мясной лавке самую большую жареную свинью, какую мне когда-либо доводилось видеть!

— Да, она будет главным блюдом на сегодняшнем ужине. Дай мне этот чайник, я сам справлюсь. Садись, Хун.

Но старик отрицательно покачал головой. Он быстро налил судье чай и поставил перед ним чашку благоухающего, дымящегося риса.

Только после этого он уселся на низкий стул перед столом и искоса посмотрел на осунувшееся лицо судьи. Хун был слугой в семье Ди еще в то время, когда тот был ребенком, и давно научился угадывать его настроение.

Взяв палочки для еды, судья сказал:

— Этой ночью я плохо спал, Хун. Плотный завтрак поможет мне восстановить силы.

— Здесь, в Ланьфане, тяжелый климат, — заметил Хун сухим голосом. — Холодная влажная зима, потом горячее влажное лето, да еще эти внезапные порывы ледяного ветра из пустынных степей. Вам нужно беречь себя, ваша честь. Здесь несложно и простудиться.

Он отпил чай, осторожно придерживая левой рукой длинные, клочковатые усы. Поставив чашку, Хун продолжил:

— Вчера вечером я заметил, что свет у вас горел далеко за полночь. Надеюсь, не появилось какое-нибудь новое важное дело?

Судья покачал головой.

— Нет, ничего особенного. Ничего особенного, собственно, и не случилось с тех пор, как

полгода назад я восстановил здесь закон и порядок. Пять-шесть непредумышленных убийств в городе, кража или две, вот и все! Наша работа сводится к решению обычных административных проблем. Регистрация рождений, браков, смертей, улаживание мелких ссор, сбор налогов... Очень спокойно. Чуть было не сказал «слишком спокойно»!

Он рассмеялся, но старик заметил, что смех был несколько вымученным.

— Извини, Хун, — быстро продолжил судья. — Я немного устал, ничего больше. Это быстро пройдет. Гораздо серьезнее другое: я беспокоюсь о своих женах. В Ланьфане очень унылая жизнь. В этом провинциальном городке у них нет близких приятельниц, да и развлечений тут почти нет. Ни хороших театральных представлений, ни мест для приятных прогулок... К тому же татарское влияние все еще настолько сильно, что даже наши китайские праздники отмечаются без особой пышности. Поэтому я страшно рад этому маленькому празднеству моей Первой госпожи этим вечером.

Судья покачал головой и какое-то время ел молча. Отложив палочки для еды, он откинулся в кресле.

— Ты спрашивал о прошлой ночи, Хун. Так вот, копаясь в архивах судебной управы, я наткнулся на дело о случившейся здесь нераскрытой краже. О краже золота у императорского казначея.

— Зачем интересоваться этим делом, ваша честь? Это же было еще в прошлом году, до того как вы вступили в должность в Ланьфане.

— Вот именно. Точнее, это произошло во второй день восьмого месяца года Змеи. Но меня всегда занимают нераскрытые дела, Хун. Неважно, старые или новые.

Старик понимающе кивнул.

— Вспоминаю, что читал в «Императорской газете» об этой краже, еще когда мы были в Пуяне. В официальных кругах возник из-за нее большой переполох. Казначей проезжал здесь, направляясь за границу к татарскому хану. Ему было приказано купить у хана упряжку лучших татарских коней для императорских